

Первый раз в первый класс

– А мне нужна школа: двадцатая, пятьдесят седьмая или англо-американская! Последний раз я слышал эту зануду несколько лет назад, когда ей понадобился муж. Вроде, с тем вопросом справились. Теперь школа для маленького кучеряшки. А завтра муж будет не в состоянии... Я что должен сделать?! Кажется, дама по моему лицу поняла, что перекрестила. И перешла с доставаний на молитву:

– Ну, пожалуйста, ну, что вам стоит... Ну, один звонок в администрацию... Вот вас разводители отдали в простую школу, когда вы учились?

– Меня? Не совсем в простую. Я бы даже сказал, скорее, в сложную. И было это довольно давно.

...Мама с удивлением читала запись в дневнике обожаемого первоклассника. Шёл золотой октябрь. Вообще-то меня отдали в школу в шесть лет. Дальше держать дома вундеркинда уже не было смысла. Как и все нормальные дети в нашей семье, в пять я бегло читал, разбирался в том, в чём разбираться было ещё рано... и писал – коряво, но много.

Запись в дневнике я прочел маме с выражением:

– На уроке музыки и пения дразнил вместе с другими одноклассниками учителя. Музыкальная грамота – „пять”. Поведение – „два”.

Тут я сделал театральную паузу. Дальше шла отсебятина, а точнее — отсашатина:

– Результат: общий балл – „семь”. Средняя оценка: „три” с половиной или „четыре,, с минусом. Что-то не так, мамочка?

Задатки адвоката начинали появляться уже в юном возрасте.

– Меня интересует, как ты дразнил учителя? Глаза мамы смотрели на меня с живым интересом.

Как выяснилось потом, учитель музыки, очаровательный Иосиф Семенович Шляпентох, вышел из лагеря всего за несколько лет до моего появления в школе и угодил прямо в „оттепель”. Фраза, выданная в музыкальном училище: „Оглухший Бетховен писал лучше, чем некоторые остро слышащие современники”, стоила ему десяти лет без рояля и флейты, но с кайлом и лопатой. Он был приветлив, добродушен и мил, а кроме этого, всегда как-то застенчиво улыбался. На том уроке мы дразнили его известной школьной дразнилкой: „Шляпентох, чтоб ты сдох!”.

– Какой ужас! За что вы так очаровательнейшего Иосифа Семеновича?

– Мамочка! – ответил я с железной логикой шестилетнего советского школьника. – Мамочка, так он же еврей...

Мама внимательно посмотрела на меня и тихо сказала:

– Сядь, Саша, нам надо серьезно поговорить...

В шесть лет и полмесяца я получил свой первый и очень важный урок: оказалось, что у меня с музыкантом Шляпентохом и еще с несколькими миллионами человек на земле масса общих моментов.

Из школы меня мгновенно забрали и отвезли в Одессу. Мама решила, что лучше, чем там, мне нигде не расскажут о самом себе. И действительно. Многочисленные родственники водили меня в синагогу, рассказывали про Моисея, Песах и Пурим, закармливали как на убой пирожными и очень любили. Это была первая в жизни спецшкола. В настоящую ходить пока не было смысла. Я и так все знал, что нужно... согласно одесским родственникам.

Почти через год меня вернули с 14-й станции (район Большого фонтана в Одессе) на улицу Горького в Москву. В первый же вечер я спросил у домработницы, зажжёт она свечи сама или лучше я их ей вставлю. А в ответ на вытаращенные Нюрины глаза я продолжил виртуозной фразой, что-то типа: „...Шо такое? Кролики пошли в атаку, когда у слониhi затынулись роды?”

Мама поняла, что и у золотой медали есть реверс, и на следующий день собрала семейный консилиум. На повестке дня стоял вопрос выбора школы. К этому времени в системе советского среднего образования произошли серьёзные перемены. На правах старшего речь держал дед: «В конце пятидесятых Хрущёву сообщили, что американцы „в бессильной злобе” пошли своим путём и сосредоточили лучших учёных в университетах Северной Америки. Генсек захотел немедленно показать капиталистам (по его собственным словам) кузькину мать и приказал создать в крупных городах спецшколы для „головастиков”. Никто здесь не будет отрицать, что кандидат номер один в любую спецшколу – это мой внук? Теперь надо только решить, в какую».

Я втихаря доедал сливочные помадки и с интересом слушал взрослых.

Мама: „Понятно, что мальчик станет врачом (лучше всего гинекологом) или биологом. Другого не дано. Ну, может быть, биофизиком или биохимиком. Это модно сейчас, но надо посмотреть, что будет через десять лет”.

Тётя Фира, кроме вирусологии, не признавала ничего и поэтому снисходительно дулась на сестру. У неё тоже была за плечами своеобразная спецшкола. Дело в том, что в семнадцать лет Фира, ещё в Одессе, села на тонкий фужер. В купальнике. Наш родственник, местный хирург дядя Лёва, аккуратно вынул стёкла из очаровательной попы под недевичьи стоны хорошенькой родственницы и даже наложил на одну половину шовчик. Но девушку интересовало другое:

– Лёвочка! А шов все увидят?

С юмором в семье всегда было хорошо, и поэтому доктор ответил так:

– Все не все, но если ты пойдёшь такими же темпами, как начала, то лет до сорока человек триста–четыреста увидят точно...

Фира своим „резюме” предвидение дяди Левы полностью оправдала и к тому же (на всякий случай) стала очень известным вирусологом:

– Мальчик пойдёт в единственную в Москве биологическую спецшколу. Там с пятого класса специализация. Лучшая в стране. Дальше – университет, биофак... и ко мне, в науку.

– А до пятого класса? Мама должна была взвесить и понять все до деталей. – А до пятого класса Сашеньку надо отдать в математическую спецшколу. Пусть ребёнок научится логике мышления. К тому же там преподают одни наши, а учатся тоже практически только свои.

После Одессы эта загадочная для кого-то фраза была мне понятна „на свист”.

Через несколько месяцев меня действительно поступили в математическую спецшколу. Самую крутую...

Разница между математической спецшколой и синагогой была небольшая: в одном месте популяризировалась пятиконечная звёздочка октябрёнка с Лениным в детстве, в другом – шестиконечная звезда и уже царя Давида. Всё остальное было практически одинаковым.

После первого родительского собрания мама пришла домой и, давась от смеха, рассказывала:

– Элеонора Моисеевна, классный руководитель, начала свою речь так: „Товарищи родители! Это никуда не годится... то, что происходит в первом „А”. Мы живём в многонациональной советской стране. Кроме ваших детей, в классе учатся ещё четверо русских ребят. Они такие же, как все. А один, Сережа Голованов, так он почти настолько же умный, как и ваши. Объясните дома, что швыцать и дразнить гоев просто некрасиво. У нас в школе даже парторганизация скоро будет. Может быть... Если разрешат”.

Математика в начальной школе была действительно сильная. Мне – московскооодесскому „вундеркиндику” приходилось стараться изо всех сил, чтобы не скатываться в середнячки. Уровень ребят был абсолютно феноменальным. Когда меня перевели в биологическую школу, вплоть до десятого класса на математике мне просто нечего было делать. Так, после четырёхлетнего промывания мозга, всё казалось слишком легко. В новой Фирыной спецшколе ситуация была уже совершенно иной. Из тридцати пяти человек, русских в классе было восемь!

То, что я не буду биологом, я понял в первой четверти восьмого класса, когда Рудифь Михайловна препарировала несчастную лягушку. Меня стошнило прямо на уроке на сидевшую впереди девочку Соню. Нас обоих выгнали из класса. Её – мыться, меня – ей помочь, потому что со спины она мой завтрак достать сама не могла. Особенно омлет. Так я первый раз поцеловался в женском туалете. Это был ещё один важный урок в жизни. С тех пор я знаю, как понравиться девочке...

Как будущий биофизик или биохимик я люто ненавидел эти три предмета, но очень любил тётю Фиру и поэтому терпел все эти муки из-за её дочери и одновременно – моей кузины, синеглазой Норочки. Все в семье знали, что Нора мне нравится, и поэтому в трудные минуты против меня выставляли тяжёлую артиллерию огромных Норочкиных глаз и такой же груди, которые все вместе (до поры до времени) не давали мне возможности предать вирусологию с биохимией, не говоря уж о биофизике с гинекологией. Этот урок из спецшколы остался во мне навсегда: ради женщины я способен на многое, но если то, на что я способен, мне не нравится, даже самое светлое чувство долго не продержится. Между тем, спецшколы в Москве развивались своим, не совсем советским чередом. Виною тому был состав и учителей, и учеников. В школах в открытую ходила всякая ненужная в СССР литература, анекдоты и, главное, некоммунистические мысли и идеи. А в одной математической школе случился маленький ужас. Первого сентября на занятия не явился практически целый класс. Начался большой отъезд в Израиль. Мало того, из этой же школы в одночасье смылось пятьдесят процентов учительского состава. Туда же.

Правда, на их место моментально встали другие. Такие же, но ещё не решившиеся на отъезд... Скандал кое-как замяли. Но осадок, как в истории с пропавшими и найденными серебряными ложечками, остался.

Биоспецшколу я всё-таки окончил. И мы до сих пор часто встречаемся классом. Все эти годы... В России нас из класса – шесть человек. Четыре девочки (из тех восьми), и мы с

Капланом. Он (как и я) вернулся из-за границы в девяностые. Спецшколы в конечном счёте Советскому Союзу надоели: они каким-то образом стали рассадниками диссидентства, вольнодумства и ещё не пойми чего. В середине восьмидесятых их разогнали. И мою, естественно, тоже. А учили нас всё-таки хорошо. Я до сих пор любое уголовное дело беру только через интеграл, да и в хорошем разводе без тангенса и котангенса просто не обойтись. Что же касается теории „пестиков и тычинок”, так я вообще её через всю жизнь с успехом пронёс и до сих пор, слава Создателю, ещё несу...

Как-то из Парижа позвонила мама и строго приказала устроить старшую внучку в лучшую спецшколу Москвы. И по-другому нельзя. Я занялся изучением вопроса. Спецшкол, естественно, больше не существовало. Но зато появились просто дорогие школы и просто очень дорогие. После недолгих поисков пришлось отдать в якобы лучшую, то есть, по московским стандартам, в самую дорогую – в Московскую экономическую школу. Сокращенно – МЭШ.

Первого сентября я лично был очень доволен. Вся школа оказалась рассадником потенциальных клиентов, актовый зал напоминал Большой театр до реставрации, а список предлагаемых для посещения кружков был чуть короче свитка Торы ...

Слежку за обучением я доверил армаде нянек, бабушек, горничных и водителей во главе с мамой ребёнка и пошёл дальше работать на благо страны в её отдельно взятой семейной ячейке. Кроме того, надо было срочно отбить ненормальный школьный финансовый взнос и ежемесячные денежные вливания, а продавать для этого часть коллекции картин не хотелось.

За школьными достижениями я пару лет не следил. Выяснилось, что зря...

В третьем классе, когда мы возвращались в машине с дачи, на меня вдруг что-то интуитивно нахлынуло:

– Скажи мне, сколько будет семнадцать плюс восемнадцать? – спросил я, предполагая, что сейчас услышу что-то типа: „Папа! Как тебе не стыдно? Это первый класс, вторая четверть. Ты меня ещё про теорию Лобачевского что-нибудь спроси. Или про факториал... Смешной ты, папочка!”

Но вместо этого ребёнок, который генетически не мог не быть вундеркиндом (папа-то понятно кто...), начал загибать пальцы на двух ручонках: пять... шесть... семь... Прибавить... сколько ты сказал? Восемь? Пальцев явно не хватало. – Пааап! Ну что ты в воскресенье решил меня мучить сложными вопросами?

Мне стало не по себе.

Через два дня, объявив всем, что еврейский папа – это нормальная мама, я пошёл в школу сам и доказал это, сев на уроке где-то сбоку, чтобы посмотреть, как там всё у них происходит.

Это было ужасно. Некий мальчик нагловатого вида сразу залез под парту и просидел там все сорок пять минут. Оставшийся „эскадрон” кидался бумажками, бубнил что-то про себя и абсолютно не слушал учительницу.

Преподавательница голосом морской свинки перед группой давно не кормленных удавов пыталась что-то вякать первые пятнадцать минут, но потом это бесполезное занятие бросила начисто. Сие начинание оказало прогрессивное действие на школьную „макаренкофилию”. Дети перестали кидаться бумажками и перешли на плевки через самодельные трубочки. Понимая, что так дальше продолжаться не может, что настал мой вы-

ход, и я должен взять контроль над классом в свои руки, я забрал „ВІС” учительницы, вынул из него стержень и переплевал весь класс, доказав преимущество простого оружия над всякими „монбланами” и прочей золотоперьевой фигней.

Мальчик под партой от счастья описался.

Сашка с гордостью объявила всем, что плюющийся лысый очкарик – это её папа. Класс одобрительно хихикнул.

На перемене я подошел к „морской свинке”:

– Я вам так благодарна, – сказала преподавательница, – они, видимо, вас испугались и сегодня вели себя тихо. Поэтому я успела им что-то объяснить. Обычно бывает хуже.

– Почему вы на них не гаркнете, не накажете? Что за сюсю-мусю? Крикните же что-нибудь, в конце концов!

Учительница посмотрела в пол, а затем, открыв журнал, тихо сказала:

– Я вам сейчас прочту список детей из вашего класса. Ладно? Итак: Авены, брат с сестрой. Абрамович. Берёзкина. Григорьев. Шувалов. Сафарян. – Потом произнесла ещё пять-шесть таких же неизвестных фамилий и, сглотнув слюну, добавила почему-то шёпотом: – И ваша... Вы на кого хотите, чтобы я кричала?

Теперь задумался я...

Ещё через три недели меня попросили зайти к завучу и разобраться с ЧП в школе, о котором все говорили. Выяснилось, что девочка из девятого класса за пятьсот долларов позволила мальчику из восьмого класса поцеловать себя после уроков в кабинете литературы. Хорошо зная родителей её и его, я точно понимал, что пятьсот долларов для пропитания были не нужны... Детвора с гордостью рассказала всем, что и за что они сотворили под портретом Достоевского.

На мой вопрос завуч ответила в стиле новейшего спецучреждения:

– Да мы сами были все в шоке, когда узнали. А ведь девочка такие хорошие заметки писала в стенгазету.

На следующий день я забрал ребёнка из школы. Плюс к тому, образа в бабочке хватило на то, чтобы получить деньги за вступительный взнос обратно...

– Так вы действительно хотите отдать ребёнка в какую-нибудь спецшколу? – задал я после всего вопрос немигающей клиентке.

– Да, пожалуйста! Я очень прошу...

Я выписал счёт за консультацию на дополнительные четыре часа и взял трубку.

Дети же – это наше всё. И ваше тоже.

Александр ДОБРОВИНСКИЙ.